

ПРОБЛЕМА ТЕЛЕСНОСТИ В ЗАМЯТИНОВЕДЕНИИ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ

Сунь Имань

Ключевые слова: поэтика телесности, замятиноведение, Евгений Замятин, западное и отечественное литературоведение, антиутопия «Мы», синтетизм

Key words: poetics of corporeality, Zamyatin studies, Evgeny Zamyatin, Western and domestic literary studies, dystopia *We*, syntheticism

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)2-08](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)2-08)

Введение
На грани веков не только менялись принципы изображения действительности, но и происходила глубокая трансформация образного мышления. Перевод «Психопатологии обыденной жизни» Фрейда [Смирнов, 1994, с. 134] и труд Вейнингера «Пол и характер» вызвали в России усиленный интерес к телесности. Идея Розанова о «любопытном всматривании» [Розанов, 2015, с. 39] в природу человека отразилась в творчестве Арцыбашева, Каменского, Ремизова и других, обратившихся к жизни тела в литературе. В этом контексте тема, ориентированная на рассмотрение поэтики телесности в прозе Замятина, необходима и актуальна для анализа художественного своеобразия замятинской прозы и для выявления системы воззрений Замятина — в том числе как ярчайшего представителя своего времени.

Творчество Замятина подвергалось идеологической цензуре вплоть до 1988 г. В результате исследования носили фрагментарный характер и фокусировались на идеолого-политическом аспекте. Однако уже к концу 1980-х гг. ситуация изменилась коренным образом: два потока замятиноведения — западный и отечественный — соединились, благодаря чему творчество Замятина заняло вполне определенное положение на карте мировой культуры.

Несмотря на отсутствие систематизированного исследования по поэтике телесности в творчестве Е. Замятина, проблемы тела и плоти не раз оказывались в поле зрения исследователей — как правило, в связи с анализом образной системы антиутопии «Мы», математической символики, а также художественной стилизации как проявление синтетизма и экспрессионизма. Таким образом, систематизация наблю-

дений о поэтике телесности представляется необходимым шагом для дальнейшего изучения художественного мира Замятина.

Методы и материалы исследования

Цель данной работы состоит в воссоздании истории исследования поэтики телесности в прозаических произведениях Е. Замятина и выявлении нескольких этапов этой истории.

Материалом исследования послужил корпус научных работ отечественных и зарубежных исследователей второй половины XX — начала XXI в., посвященных творчеству Евгения Замятина и, в частности, проблемам телесности в его художественной прозе.

Методы исследования данной работы основаны на принципах историко-литературного и сравнительно-типологического анализа. Основным методом является систематизация и историографический анализ существующих научных публикаций по теме поэтики телесности в прозе Е.И. Замятина.

Результат исследования

Первая публикация антиутопии «Мы» в английском переводе в Нью-Йорке в 1924 г. и ее печать в сокращенном виде на русском языке в пражской «Воле России» вызвали бурную реакцию как в эмигрантской среде, так и в среде западных специалистов в области литературы. Творчество Замятина серьезно начали изучать с 1940–50-е гг., особенно активно в 60–80-е гг. прошлого столетия [Долженко, 2003, с. 6], когда появились работы славистов, занимающихся замятиноведением (Р. Рассел, С. Лейтон, Г. Керн, Т. Р. Н. Эдвардс, К. Коллинз, Э. Барратт, Д. Дж. Ричардс, Х. Лопез-Мориллас, Л. Б. Кук, О. М. Кук, М. Хейвард, А. Шейн, Э. Ре).

С 1988 г., когда роман «Мы» был опубликован в СССР, началось активное исследование творчества Замятина на родине. Однако пристальное внимание к проблеме поэтики телесности в творчестве Замятина обнаруживается лишь с конца XX в., когда оформились отдельные направления в сфере замятиноведения. Работы влиятельных замятиноведов — таких как Е. Б. Скорospelова, Л. В. Полякова, Т. Т. Давыдова, Н. Н. Комлик, М. Ю. Любимова, И. М. Попова, Н. З. Кольцова, В. Н. Евсеев, М. А. Хатямова и мн. др., вывели отечественное замятиноведение на новый уровень. Выявление элементов телесности в творчестве Замятина в России в новом веке отличается ориентацией на комплексный анализ его наследия, включающий в себя интертекстуальный и интермедиаальный подходы. Исследователи учитывают диалог писа-

теля с философской и научной мыслью, его творческие контакты с художниками, графиками и представителями различных видов искусства.

Отечественное замятиноведение

Т.Т. Давыдова в монографии «Творческая эволюция Евгения Замятина в контексте русской литературы первой трети 20 века» [Давыдова, 2021, с. 15] разделяет творческий путь Замятина на три этапа: 1908–1916; 1917–1930; 1931–1937. Давыдова выделяет категорию «органического человека» как общий мотив, проходящий через три этапа творчества в отношении создания образа тела, главным подходом к которому становится формулирование «человекозверности» и «человеконеодушевленности» в преамбуле «естественного человека» Л. Толстого, М. Пришвина и А. Куприна. С одной стороны, восходящее к гоголевской традиции сопоставление человека с животными вскрывает пошлые, уродливые начала в характерах персонажей, с другой, «красота в безобразии» [Замятин, 1988, с. 368] становится ключевым эстетическим принципом в поэтике телесности, который выявляет близость неореалистической и символистской типизации. Как и в русском замятиноведении в целом, Т.Т. Давыдова помещает анализ творчества Замятина не только в литературный, но и философский контекст. Она обнаруживает воздействие таких западных философов, как Ницше, Шопенгауэр, Гартман, Кант, на творчество Замятина и соединяет замятинский гимн естественным радостям материнства и сексуальному влечению с идеальным женским образом у Розанова и Бердяева.

Статья В.В. Калчанова «О романе Е.И. Замятина „Мы“, электромагнетизме, робототехнике, нанотехнологиях и постмодернизме» [Калчанов, 2014, с. 163–171] предлагает новую точку зрения на исследование поэтики телесности у Замятина — поэтики постантропологии в связи с сенсорным восприятием, сексуальным желанием и болезнью. Ключевое открытие заключается в интерпретации имен персонажей как трансформации абстрактных «номеров» в конкретные физические параметры схемы. По замятинской иронии, многие номера Единого Государства напоминают андроидные модели из научно-фантастических романов, соединяя электромеханическое и человеческое начала. Тем самым выявляется постантропологическое понимание тела, в котором размываются границы между органическим и неорганическим, что можно рассматривать как раннюю литературную репетицию «телесной поэтики», связанной с модификацией тела и процессами киборгизации.

Статья С.Н. Капустиной «История рождения души в романе Е. Замятина „Мы“» [Капустина, 2014, с. 210–218] посвящена прослеживанию

духовного становления героя Д-503, процесс которого сопровождается интенсивными, конкретными телесными ощущениями, что позволяет говорить о «поэтике воплощенной души» или «поэтике взаимодействия души и плоти». В работе исследуется экзистенциальная метафора — «тело-дом». Рождение души описывается как пространственное событие внутри тела, как переход от состояния «пустоты» к состоянию «заселенности». Это соответствует классической модели воплощенного познания, когда душа переживается как конкретное телесное ощущение пространства и материи. Автор отмечает, что Д-503 физически чувствует присутствие души: сначала — как инородного тела, а позднее — как все «в душе выметающий вихрь».

Работа И.О. Шайтанова «Евгений Замятина в традиции русской прозы. Сказ, бытописание, беллетристика» [Шайтанов, 2014, с. 258–275] обращается к поэтике визуального, т.е. к процессу перехода от психологического всемогущества к телесному всеведению, основанному на чувственном, экстериоризационном выражении. Замятин изображает прежде всего телесную реальность, в то время как характеры персонажей предсказаны в их телесных чертах и прямо вынесены наружу в повествовании. Вместе с тем физические черты отдельного персонажа способны «распространяться» вовне, «заражая» все повествовательное пространство. Телесность выходит за пределы индивида, становясь материальным выражением атмосферы среды и коллективного бессознательного. Автор также выявляет телесность языка Замятина. Слова превращаются в «звуковые образы», способные напрямую вызывать сенсорные впечатления от предметов, действий, даже имя персонажа несет звуковую характеристику, выявляя его сущностные черты.

Е.Б. Скороспелова в монографии «Русская проза XX века. От Белого („Петербург“) до Пастернака („Доктор Живаго“» [Скороспелова, 2003, с. 242, 250, 253–255] относит прозу Замятина к традициям «гротескно-го реализма», в рамках которых гротеск, включающий в себе гиперболу, метонимию, развернутое сравнение, становится сквозным приемом в построении сюжета и в системе образов. В антиутопии «Мы» мнимость мира проявляется в образах геометрических тел, что сближает поэтику романа с эстетикой кубизма. Особое внимание уделяется интертекстуальному плану. Интимные переживания героев вновь свидетельствуют о неистребимости природного начала в человеке, репродуцируя библейский сюжет Адама и Евы. А «нечеловеческая рука», «чугунный» жест отсылают к образу «Медного всадника» А.С. Пушкина. Мотив «безумия» героя-повествователя позволяет выявить параллели с «Записками сумасшедшего» Гоголя, однако у Замятина решение темы

принципиально отличается: «безумие» D-503 трактуется не как помрачение рассудка, но, напротив, как возрождение человечности.

Книга Н.З. Кольцовой «Творчество Замятина. Проблемы поэтики» [Кольцова, 2019, с. 50–56, 141–154] предлагает новый подход к выявлению эволюции творческих взглядов Замятина на основе анализа как его прозаических произведений, так и критических статей. В монографии отмечается, что Замятин всесторонне описывает человеческое тело через деформацию и зооморфные метафоры. При этом исследовательница сопоставляет творчество Д.Г. Лоуренса и Замятина, подчеркивая соотнесенность образа «прекрасного человека-зверя» Лоуренса с ориентацией Замятина на «живую жизнь», на естественное, органическое сосуществование человека и природы. Исследовательница отмечает, что в романе геометрическая форма непосредственно соотнесена с телесным началом персонажей: «О» — «вся из окружностей», тело которой символизирует фигуру во время беременности и инстинкт материнства; «I» — «тонкая, резкая, упрямо-гибкая, как хлыст», внешность которой отражает чувство воли и революционность, одновременно «черный треугольник» — душу бунтарства. Введение в повествование концепций дифференциала и интеграла тесно переплетается с телесными ощущениями героя. Страх D-503 перед мнимым числом $\sqrt{-1}$ слово обретает в героине телесное воплощение. Ощущение телесной изоляции переплетается с математическим переживанием «иррационального» и «бесконечного».

Одной из важнейших работ для изучения поэтики телесности является сборник «Е.И. Замятин: Pro et contra» под редакцией О.В. Богдановой и М.Ю. Любимовой. С различных теоретических позиций авторы обращаются к поэтике телесности в творчестве Замятина, рассматривая ее, как правило, в контексте русской фольклорной традиции, культуры и истории. В статьях Е.А. Лядовой «Историософия и структурно-поэтическая парадигма трагедии „Атилла“» [Лядова, 2014, с. 867–886] и М.А. Хатямовой «„Бич Божий“: логика повествования и концепция истории Е. Замятина» [Хатямова, 2014, с. 887–906] особое внимание уделяется категории «зоологизация», выдвигаемой как основной прием в раскрытии характера героев. В произведении «Бич Божий» писатель, сопоставляя персонажей с животными (волком, змеей и др.), подчеркивает наличие в человеке естественности и звериных качеств, тем самым противопоставляя природную упорядоченность культурной регламентации. В работе М.Ю. Любимовой «Философские взгляды и культурологические воззрения Е. Замятина» [Любимова, 2014, с. 207–264] отмечается, что в произведениях (в частности, в повестях «Уездное»,

«Островитяне») не только критикуется «звериное» начало и косность российской провинциальной жизни, но и осмысливается конфликт между технологической цивилизацией и индивидуальной свободой. Автор обращает особое внимание на то, что нормы христианской морали в сфере половых отношений подвергаются у Замятина критическому переосмыслению и отражают философскую установку на понимание «тела как пространства свободы».

В сборнике представлена и работа Н.Н. Комлик «Телесный код в русской литературе и в творчестве Е. Замятина» [Комлик, 2014, с. 319–340]. Автор подчеркивает, что уже с ранних произведений присутствует диалектическое изображение «избыточной телесности», сочетающее в себе как иронию, так и восхищение. Исследование демонстрирует, что через женские образы, такие как Матрена-Плясея и Марфа, Замятин раскрывает одновременно единство и противоборство плоти и духа, помещая эту проблему в контекст русской фольклорной культуры и религиозной традиции. На уровне философии Замятин рассматривает тело как «суверенное, предшествующее сознанию бытие», наделяя тело равным статусом с духом и превращая его в носитель красоты. Исследование опирается на идеи таких мыслителей, как Николай Бердяев и Василий Розанов, при этом автор подчеркивает, что Замятин отвергает христианский аскетизм и рассматривает сексуальность как благословение жизненной силы. Так, в произведениях тело возвышается до символа русской нации, воплощая розановскую философскую концепцию о том, что «плоть есть корень духа» [Розанов, 1990, с. 304], особенно ярко проявляющуюся в своего рода обожествлении плоти и сексуальности, в неприятии христианского аскетизма. Данный анализ не только очерчивает эволюцию телесной проблематики в творчестве Замятина, но и раскрывает, каким образом через нарратив телесности писатель осуществляет глубокую рефлексию о русской традиционной культуре и религиозной этике.

Работы Н.Н. Комлик, одной из наиболее ярких фигур современного замятиноведения, посвящены неразрывной связи между телом и фольклорной традицией русского народа. Наиболее последовательно идеи исследовательницы воплотились в таких работах, как «Народная Россия и поэтика ее воплощения в творчестве Е.И. Замятина» [Комлик, 2008, с. 145–176], и в совместной с И.С. Урюпиным монографии «“...Пишу вам из России...”: русское подстепье в творческой биографии Е.И. Замятина и И.М. Булгакова» [Комлик, Урюпин, 2007, с. 13–25]. В монографии двух авторов основным предметом исследования становится глубокая связь художественной системы Замя-

тина с фольклором и духовной традицией, укорененной в его родной Лебедяни. Жизненный опыт, сформированный в условиях провинциальной России, позволяет Замятину обратиться к мотиву слияния человеческого тела с образом природы и создать своеобразный синтетический образ «человека-дерева» в произведениях «Африка», «Кряжи» и др., где воспевается тело, насыщенное примитивной жизненной силой, и заостряется мотив свободы-воли, стремление к которой является основой русского национального характера. Образ «человека-дерева» («женщина-кряж») переплетается с созданием образа женского тела, предназначенного для воплощения нового представления об «идеальной женственности», которая передается по одной линии «поляницы» и несет на себе отсвет дохристианских идеалов женской личности, включающей в себя «мужественность и отвагу». В монографии также выделяется мотив отчуждения — так, тело Барыбы, превращающегося в «нелепую каменную бабу» в повести «Уездное», словно экстериоризирует духовную неподвижность и застой, представляя энтропию как окаменение тела.

Во второй монографии Н.Н. Комлик и И.С. Урюпин широко привлекают концепцию карнавализации М. Бахтина для объяснения фольклорных источников поэтики телесности Замятина. Авторы подчеркивают, что снижение образа тела носит амбивалентный характер, одновременно заключая в себе отрицательное начало — источник поглощения (могила) и утвердительно-начало — рождение и возрождение (чрево, мужской генитальный орган, рот). В монографии постулируется эволюция замятинского взгляда на материально-телесное начало: на раннем этапе творчества, в частности в повести «Уездное», писатель трактует тело как нечто неморальное, бездушное, иронически изображая телесный «низ». В последующих прозаических произведениях Замятин постепенно переходит к воспеванию телесной красоты, подчеркивая концепцию «одухотворенной телесности», в рамках которой тело в эстетике помещается едва ли не над сознанием, идеалом и духом.

Западное замятиноведение

С 60-х гг. XX в. в западном замятиноведении слависты обнаруживают в творчестве писателя особый телесный «код». В это время проявляются две тенденции в работах исследователей. С одной стороны, внимание славистов сосредоточено на образе тела в связи с жанром антиутопии через сопоставление романа «Мы» с произведениями западных писателей. В контексте данного подхода тело рассматривается как своего рода поле конфликта между индивидуальным и коллективным.

С. Collins в работе «Zamyatin, Wells and the Utopian Literary Tradition» [Collins, 1966, p. 351–360] через сопоставление произведений Г. Уэллса с Collins замаятинским романом «Мы» анализирует, как Замятин создает сатирическую анти-модель в технократическом рациональном пространстве. Тело здесь становится носителем конструкции и деконструкции идеального мира: государство через «розовые талоны» и ограничение рождаемости превращает тело в собственность социума. Между тем противодействие режиму Единого Государства прежде всего проявляется в пробуждении половой страсти Д-503, которая в дальнейшем переходит в сферу иррационального, подсознательного. Итак, тело оказывается своеобразным фокусом, в котором преломляются основные конфликты и противоречия тоталитарного общества.

G. Beauchamp в статье «Of Man's Last Disobedience: Zamyatin's "We" and Orwell's "1984"» [Beauchamp, 1973, p. 285–301] подчеркивает, что в двух антиутопиях государство стремится заменить настоящие человеческие чувства на механические и бездушные взаимодействия. Особое внимание уделяется проблематике половых отношений: кастрация сексуального инстинкта получает определенное символическое значение — кастрацию личного сознания, способности воображения и импульса к художественному творчеству. А бунтарство Уинстона Смита в «1984» и Д-503 в «Мы» начинается именно с пробуждения сексуальности, что представляет собой «сопротивление низу». Таким образом, пол становится источником сопротивления механистической цивилизации и освобождения творческих сил.

С другой стороны, ученые начинают уделять внимание общечеловеческой проблематике произведения и склоняются к анализу творческой эволюции писателя и конкретных проблем поэтики и эстетики в других прозаических произведениях Замятина.

Монография А. Shane «The Life and Work of Evgenij Zamjatin» [Shane, 1968, p. 97–189] стала новым шагом в развитии замаятиноведения в западном мире. В работе автор представляет обзор периодизации жизни и творчества Замятина: 1908–1917 гг. — ранний, 1918–1921 гг. — средний, 1922–1927 гг. — переходный, 1928–1935 гг. — поздний, в рамках чего обнаруживается и эволюция поэтики телесности в прозе Е. Замятина. На раннем этапе ориентация на изображение тела проявляется прежде всего в теме любви. В «Уездном» и «На куличках» любовь низводится до повседневной физиологической функции, указывая на падение нравов в российском обществе. В «Девушке» и «Алтыри», напротив, телесная страсть изображается как духовное стремление к жизненному совершенствованию, представляя символ первобытной жизнен-

ной силы. В следующий период тело соотносится писателем с политическим «организмом»: любовь и сексуальное желание рассматриваются как естественная сила, противостоящая пошлости и повседневности. В этот период складывается обширная семиотическая система тела, включая грудь, губы, глаза и т.д. В переходный период Замятин, как полагает А. Shane, в основном ориентируется на создание образа женского тела, рассматривая его как проявление жизненных сил и инстинктивного желания. В последние годы творчества Замятина тело персонажей становится проекцией их психологического состояния и концентрированно выражает экзистенциальную проблематику.

Развивает и углубляет западное замятиноведение книга С. Collins «*Evgenij Zamjatin: An Interpretive Study*» [Collins, 1973, p. 16–25, 69–80]. Подобно А. Shane, С. Collins также выявляет превращение любви и эроса из символа деградации личности в метафору раскрепощения. Соответственно, выделяется трансформация эстетических приемов в связи с изображением тела. С. Collins указывает, что ранние произведения наполнены метафорами «нисхождения» человека до уровня животных (лягушки, рыбы) и неодушевленных предметов (печь, экскременты) в приемственности гоголевской традиции. В зрелых произведениях, таких как «Мы» и «Наводнение», тело превращается в мифологический архетип: I-330 воплощает архетип «анимы»; лоно Софьи уподобляется «земле», а погребенная Ганка — «хлебному божеству», чья смерть есть жертва во имя возрождения новой жизни.

В 60-е и 70-е гг. XX в. все больший интерес западных исследователей вызывает мифотворчество Замятина. В статье «*Zamjatin's We as Myth*» С. Collins [Collins, 1966, p. 125–133] подробно анализирует образы, соответствующие мифологическим архетипам: I-330 соответствует Аниме, ведущей героя к области бессознательного; P-13 — тени, представляющей подавленный сексуальный инстинкт; Ю — «поглощающей матери»; дом древностей является музеем коллективного бессознательного; Зеленая Стена служит границей области бессознательного. А. Aldridge в работе «*Myths of Origin and Destiny in Utopian Literature: Zamiatin's "We"*» [Aldridge, 1977, p. 68–75] подчеркивает двойственность мифологической модели антиутопии — космогонический миф и эсхатологический миф. «Единое Государство» представляет собой пародийное искажение «Нового Иерусалима», тело в котором подчинено механизму и бесчеловечности. Мир за Зеленой Стеной воплощает возвращение в «Эдем», где изображается голое, волосатое, чувственное тело, олицетворяя человеческий хаос, инстинкты и личную свободу. В статье «*Onomastics and Zamiatin's We*» [Barker, 1977, p. 551–560] M.G. Barker соединяет оно-

мастический анализ с психоанализом Фрейда, теорией архетипов Юнга и связывает имена персонажей с телесными характеристиками. Буква «Д» представляет черту дикости в Д-503, сосредоточенную в его волосяных руках. Под латинской буквой «I» в имени I-330 подразумеваются угловатые черты, формирующие образ остроты, бунтарства. Буква «O» символизирует ключевые внутренние половые органы женщины.

Важным этапом в западном замятиноведении является сборник статей «Zamyatin's We: A Collection of Critical Essay». Исследование поэтики телесности ведется по трем направлениям: семиотика тела, художественные приемы создания образа тела и мифологические архетипы, связанные с телом. «The eye in We» R. Parrot является одной из самых значимых работ для выяснения поэтики телесности Замятина. R. Parrot рассматривает глаза как окно во внутренний, бессознательный мир человека, показатель любовных отношений, посредник между созерцающим и созерцаемым [Parrot, 1988, p. 106-117]. В статьях G. Kern, M. Ehre, S. Layton [Kern, 1988, p. 118-129; Ehre, 1988, p. 130-139; Layton, 1988, p. 140-148] анализируются конкретные художественные приемы, такие как синекдоха, преувеличение, деформация и т.д., используемые при создании образа тела.

Статьи 1980–2000-х гг., посвященные изучению творчества Замятина, ориентированы на различные проблемы поэтики и образной системы произведений писателя, по-новому раскрывающие присущие ему эстетические принципы.

K. Kinyon [Kinyon, 2002, p. 204-218] рассматривает смех в антиутопии «Мы» как своего рода посредника телесной бессознательности и внутреннего эмоционального бунтарства, а также как семиотически амбивалентный знак, функционирующий в диалектике подавления и освобождения. С одной стороны, государство «инструментализирует» смех как механизм социальной дисциплины, высмеивая иррациональное и маргинализируя отклонения с целью укрепления коллективной идентичности. С другой стороны, смех превращается в субверсивную силу, разрушающую рациональный порядок и открывающую проход в сферу бессознательного.

В статье «Zamyatin's Modernist Palette: Colors and Their Function in We» S.S. Hoisington и L. Imbery [Hoisington; Imbery, 1992, p. 159-171] отмечают, что в романе «Мы» цвет функционирует в изображении тела в четырех аспектах: 1) слияние цвета и сексуальности; 2) цветовая кодификация характеров; 3) интериоризация цвета через физиологическое восприятие; 4) экстериоризация внутренних состояний через цветовую проекцию. Таким образом, замятинская цветопись создает сим-

волическую систему и целостную поэтику телесности, где цвет становится проводником от механистического к органическому, от рационального к иррациональному.

Заключение

Итак, в России и на Западе выявляются два параллельных и одновременно взаимодополняющих научных подхода, совместно формирующих многостороннее понимание сложности мотива тела в творчестве Е.И. Замятина. Общим для этих подходов является признание того, что тело в произведениях Замятина представляет собой поле борьбы, источник внутреннего индивидуального сопротивления, вход в иррациональный мир.

При этом в западном замятиноведении ранние исследования были сосредоточены прежде всего на антиутопии как антитоталитарной притче и на универсальных мифологических архетипах романа «Мы», тогда как с 1970-х гг. акцент смещается на выявление конкретных художественных приемов и философских основ творчества Замятина. Отечественное замятиноведение, в свою очередь, акцентирует особенности замятинской поэтики, которые предопределены влиянием традиций русской народной культуры и воздействием предшественников и современников Замятина. На этой основе отечественные исследователи обращаются к вопросам постантропологии, взаимодействия плоти и духа, поэтики визуального и др. Обе исследовательские линии демонстрируют, что «поэтика телесности» в творчестве Замятина является неотъемлемой частью его целостной эстетически-философской системы «синтетизма», включающего в себя взаимодействие не только литературных направлений, но и достижений различных видов искусства — мифологические архетипы, геометрическую символику и сенсорную чувственность импрессионизма.

Библиографический список

Давыдова Т.Т. Творческая эволюция Евгения Замятина в контексте русской литературы первой трети 20 века. М.: Директ-Медиа, 2021. 15 с.

Долженко С.Г. Творчество Е.И. Замятина в англоязычной критике : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2003. 28 с.

Калчанов В.В. О романе Е.И. Замятина «Мы», электромагнетизме, робототехнике, нанотехнологиях и постмодернизме // Литературоведение на современном этапе. Теория, история, творческие индивидуальности: К 135-летию со дня рождения писателя / под общ. ред. Л. В. Полякова. М.: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. С. 163-171.

Капустина С.Н. История рождения души в романе Е. Замятина «Мы» // Литературоведение на современном этапе. Теория, история, творческие индивидуальности: К 135-летию со дня рождения писателя / под общ. ред. Л.В. Полякова. М.: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. С. 210–218.

Кольцова Н.З. Творчество Замятина. Проблемы поэтики. М.: Издательский дом ЯСК, 2019. 176 с.

Комлик Н.Н. Телесный код в русской литературе и в творчестве Е. Замятина // Е. И. Замятин. PRO ET CONTRA / под общ. ред. О.В. Богдановой, М.Ю. Любимовой. М.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2014. С. 319–338.

Комлик Н.Н., Урюпин И.С. «...Пишу вам из России...»: русское подполье в творческой биографии Е.И. Замятина и М.А. Булгакова. М.: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007. С. 185.

Комлик Н.Н. Народная Россия и поэтике ее воплощения в творчестве Е.И. Замятина. М.: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2008. 226 с.

Любимова М.Ю. Философские взгляды и культурологические воззрения Е. Замятина // Е.И. Замятин. PRO ET CONTRA / под общ. ред. О.В. Богдановой, М.Ю. Любимовой. М.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2014. С. 207–264.

Лядова Е.А. Историософия и структурно-поэтическая парадигма трагедии «Атилла» // Е.И. Замятин. PRO ET CONTRA / под общ. ред. О.В. Богдановой, М.Ю. Любимовой. М.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2014. С. 867–886.

Скороспелова Е.Б. Русская проза XX века. От Белого («Петербург») до Пастернака («Доктор Живаго»). М.: ТЕИС, 2003. 420 с.

Смирнов И.П. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М.: Новое литературное обозрение, 1994. 134 с.

Хатямова М.А. «Бич Божий»: логика повествования и концепция истории Е. Замятина // Е.И. Замятин. PRO ET CONTRA / под общ. ред. О.В. Богдановой, М.Ю. Любимовой. М.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2014. С. 887–904.

Шайтанов И.О. Евгений Замятина в традиции русской прозы. Сказ, бытописание, беллетристика // Литературоведение на современном этапе. Теория, история, творческие индивидуальности: к 135-летию со дня рождения писателя / под общ. ред. Л.В. Полякова. М.: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. С. 258–275.

Aldridge A. Myths of Origin and Destiny in Utopian Literature: Zamiatin's «We» // Extrapolation. 1977. № 1. Pp. 68–75.

Barker M.G. Onomastics and Zamiatin's We // Canadian-American Slavic Studies. 1977. № 11. Pp. 551–560.

Beauchamp G. Of Man's Last Disobedience: Zamyatin's "We" and Orwell's "1984" // *Comparative Literature Studies*. 1973. № 4. Pp. 285-301.

Collins C. Evgenij Zamjatin: An Interpretive Study. The Hague: Mouton, 1973. 117 p.

Collins C. Zamjatin's We as Myth // *The Slavic and East European Journal*. 1966. № 2. Pp. 125-133. <https://doi.org/10.2307/304749>.

Collins C. Zamyatin, Wells and the Utopian Literary Tradition // *The Slavonic and East European Review*. 1966. № 103. Pp. 351-360. <http://www.jstor.org/stable/4205781>

Ehre M. Zamyatin's Aesthetics // *Zamyatin's We: A Collection Of Critical Essay*. Ann Arbor: Ardis, 1988. Pp. 130-139.

Hoisington S.S., Imbery. L. Zamyatin's Modernist Palette: Colors and Their Function in We // *The Slavic and East European Journal*. 1992. № 2. Pp. 159-171. <http://www.jstor.org/stable/308963>

Kern G. Zamyatin's Stylization // *Zamyatin's We: A Collection of Critical Essays*. Ann Arbor: Ardis, 1988. Pp. 118-129.

Kinyon K. Laughter in Zamyatin's We: Passageways into the Irrational. *Extrapolation*. 2002. № 2. Pp. 204-218.

Layton S. Zamyatin and Literary Modernism // *Zamyatin's We: A Collection Of Critical Essays*. Ann Arbor: Ardis, 1988. Pp. 140-148.

Parrot R. The eye in We // *Zamyatin's We: A Collection Of Critical Essays*. Ann Arbor: Ardis, 1988. Pp. 106-117.

Shane A. The Life and Work of Evgenij Zamjatin. Berkeley, University of California Press, 1968. 326 p.

Источники

Замятин Е.И. Полное собрание сочинений : в 4 т. Т. 4. Мюнхен: Найманис, 1988. 608 с.

Розанов В.В. Полное собрание сочинений : в 15 т. Т. 2. СПб.: Издательство «Росток», 2015. 785 с.

Розанов В.В. Люди лунного света: Метафизика христианства. М.: Дружба народов, 1990. 304 с.

References

Aldridge A. Myths of Origin and Destiny in Utopian Literature: Zamyatin's «We». *Extrapolation*, 1977, no. 1, pp. 68-75.

Barker M.G. Onomastics and Zamyatin's We. *Canadian-American Slavic Studies*, 1977, no. 11, pp. 551-560.

Beauchamp G. Of Man's Last Disobedience: Zamyatin's "We" and Orwell's "1984". *Comparative Literature Studies*, 1973, no. 4, pp. 285-301.

Collins C. Evgenij Zamjatin: An Interpretive Study. Paris, 1973, 117 p.

Collins C. Zamjatin's We as Myth. *The Slavic and East European Journal*, 1966, no. 2, pp. 125-133. <http://www.jstor.org/stable/304749>.

Collins C. Zamyatin, Wells and the Utopian Literary Tradition. *The Slavonic and East European Review*, 1966, no. 103, pp. 351-360. <http://www.jstor.org/stable/4205781>

Davydova T.T. The Creative Evolution of Evgeny Zamyatin in the Context of Russian Literature of the First Third of the 20th Century, Moscow, 2021, 15 p. (In Russian).

Dolzhenko S.G. The Work of E.I. Zamyatin in English-Language Criticism. Abstract of Philol. Cand. Diss, Tyumen, 2003. 28 p.(In Russian).

Ehre M. Zamyatin's Aesthetics. *Zamyatin's We: A Colltction Of Critical Essays*, Michigan, 1988, pp. 130-139.

Hoisington S.S., Imbery. L. Zamyatin's Modernist Palette: Colors and Their Function in We. *The Slavic and East European Journal*, 1992, no. 2, pp. 159-171. <http://www.jstor.org/stable/308963>

Kalchanova V.V. On E.I. Zamyatin's Novel "We", Electromagnetism, Robotics, Nanotechnology, and Postmodernism". *Literaturovedenie na sovremennom etape. Teoriia, istoriia, tvorcheskije individual'nosti: K 135-letiiu so dnja rozhdeniia pisatelja* = Literary Studies at the Modern Stage. Theory, History, Creative Individualities, Tambov, 2014, pp.163-171. (In Russian).

Katustina S.N. The History of the Birth of the Soul in E. Zamyatin's Novel "We". *Literaturovedenie na sovremennom etape. Teoriia, istoriia, tvorcheskije individual'nosti: K 135-letiiu so dnja rozhdeniia pisatelja* = Literary Studies at the Modern Stage. Theory, History, Creative Individualities, Tambov, 2014, pp. 210-218. (In Russian).

Kern G. Zamyatin's Stylization. *Zamyatin's We: A Colltction Of Critical Essays*, Michigan, 1988, pp. 118-129.

Khatiamova M.A. "The Scourge of God": The Logic of Narration and the Historical Conception of E. Zamyatin. *PRO ET CONTRA* = E. I. Zamyatin. *PRO ET CONTRA*, St. Petersburg, 2014, pp. 887-904. (In Russian).

Kinyon K. Laughter in Zamyatin's We: Passageways into the Irrational. *Extrapolation*, 2002, no. 2, pp. 204-218.

Koltsova N.Z. The Work of Zamyatin. Problems of Poetics, Moscow, 2019, 176 p. (In Russian).

Komlik N.N. The Corporeal Code in Russian Literature and in the Works of E. Zamyatin. E. I. Zamyatin. *PRO ET CONTRA*, St. Petersburg, 2014, pp. 319-338. (In Russian).

Komlik N.N. Folk Russia and the Poetics of Its Embodiment in the Work of E.I. Zamyatin, Yelets, 2008, 226 p. (In Russian).

Komlik N.N., Uryupin I.S. "... I Am Writing to You from Russia...": The Russian Hinterland in the Creative Biography of E.I. Zamyatin and I.M. Bulgakov, Yelets, 2007, 185 p. (In Russian).

Layton S. Zamyatin and Literary Modernism *Zamyatin's We: A Colltction Of Critical Essays*, Michigan, 1988, pp. 140-148.

Liadova E.A. Historiosophy and the Structural-Poetic Paradigm of the Tragedy "Attila". *E. I. Zamyatin. PRO ET CONTRA*, St. Petersburg, 2014, pp.867-886. (In Russian).

Liubimova M.Yu. Philosophical Views and Culturological Outlooks of E. Zamyatin. *Zamyatin. E.I. Zamyatin. PRO ET CONTRA*, St. Petersburg, 2014, pp. 207-264. (In Russian).

Parrot R. The eye in *We Zamyatin's We: A Colltction Of Critical Essays*, Michigan, 1988, pp. 106-117.

Shane A. *The Life and Work of Evgenij Zamjatin*, California, 1968, 326 p.

Shaytanov I.O. Evgeny Zamyatin in the Tradition of Russian Prose. *Skaz, Everyday Description, Belles-lettres. Literaturovedenie na sovremennom etape. Teoriia, istoriia, tvorcheskie individual'nosti: K 135-letiiu so dnia rozhdeniia pisatel'ia = Literary Studies at the Modern Stage. Theory, History, Creative Individualities: To the 135th Anniversary of the Writer's Birth*, Tambov, 2014, pp. 258-275. (In Russian).

Skorospeleva E.B. *Russian prose of the 20th century: From Bely's "Petersburg" to Pasternak's "Doctor Zhivago"*, Moscow, 2003, 420 p. (In Russian).

Smirnov I.P. *Psychohistory of Russian Literature from Romanticism to the Present Day*, Moscow, 1994. 134 p. (In Russian).

List of Sources

Rozanov V.V. *Complete Works: in 15 Vols, vol. 2*, Moscow, 2015, 785 p. (In Russian).

Rozanov V.V. *People of the Moonlight: The Metaphysics of Christianity*, Moscow, 1990, 304 pp. (In Russian).

Zamyatin E.I. *Complete Works: in 4 Vols, vol. 4*, Moscow, 1988, 608 p. (In Russian).